

Николай РУССЕВ

КАРПАТСКИЙ КРАЙ – «ОБЩЕСЛАВЯНСКОЕ ГНЕЗДО»

В прологе к доведенной до 1273 г. Великопольской хронике утверждается, что **«Паннония является матерью и прародительницей всех славянских народов»**. По пересказанной автором генеалогической легенде, **«от этих паннонцев родились три брата, сыновья Пана, владыки паннонцев, из которых первенец имел имя Лех, второй — Рус, третий — Чех. Эти трое, умножась в роде, владели тремя королевствами: лехитов, русских и чехов, называемых также богемцами, и в настоящее время владеют и в будущем будут владеть, как долго это будет угодно божественной воле»**. Придя к месту «с весьма плодородной почвой, изобилующему рыбой и дикими зверями», Лех основал свою столицу – Гнезно. При этом он якобы заявил: **«Будем вить гнездо»** (Великая хроника 1987: <http://www.newchron.narod.ru/texts/p1.html>).

Спустя века, очевидно, не без оглядки и на этот фольклорный сюжет, В.О. Ключевский сделал знаменательное заключение: *«Карпаты были общеславянским гнездом, из которого впоследствии славяне разошлись в разные стороны»*. Великий ученый считал, что русская история началась в VI в. *«на северо-восточных склонах и предгорьях Карпат»*, ставших промежуточной, хотя и долгой стоянкой восточных славян в их движении на Днепр, которое усилилось во второй четверти VII в. в связи с аварским нашествием. Историограф отметил, что вятичей «Повесть временных лет» выводит **«от ляхов»**, хотя обитали они на Оке (Ключевский 1987: 122-125).

Своеобразный феномен карпатской истории, несомненно, заслуживает рассмотрения не столько в свете вновь накопленного фактического материала, сколько в виду постепенно меняющихся подходов к пониманию роли природных особенностей региона. Непременными структурами повседневности славянского населения и здесь были реки, луга, поля, леса, но так или иначе сопряженные с условиями вертикальной поясности гор. Именно горный ландшафт создавал для местного населения фатальную в эпоху средневековья обстановку существования.

На протяжении многих столетий ход истории разворачивался так, что регион раз за разом оказывался периферийным по отношению к таким культурным и социально-политическим общностям, как:

- 1) евразийская степная (кочевая);
- 2) среднедунайская, или центральноевропейская;
- 3) нижнедунайская, или балкано-дунайская;
- 4) цивилизационно-оikumеническая (Южные Балканы и Малая Азия);
- 5) северо-восточная лесостепная и лесная.

Взаимодействие непохожих миров стало постоянно действующим фактором, обусловившим неоднократную смену доминант культурно-исторической ориентации региона, а также чересполосное развитие процессов интеграции и дезинтеграции (см. Gukin Manzura, Rabinovich, Tkasiuk 1995: 9-18).

В средние века, по меньшей мере, три из пяти названных миров (2, 3, 5) на том или ином этапе приобретали ярко выраженный славянский облик. Славяне, став одной из наиболее мощных сил Европы, обжили обширные пространства от побережья Балтийского моря на севере до Пелопоннеса на юге, от бассейна Эльбы на западе до Заволжья на востоке. Славянское начало стало составной частью многих общих процессов европейской истории (Федоров 1960; Рафалович 1972; Типкова-Заимова 1991: 38; Седов 1995: 3-6). Вместе с тем, в славянских обществах происходили глубокие внутренние изменения – они шли по пути создания собственных государств, формировали отдельные языки и варианты материальной культуры. Обособлялись три ветви славянства – восточная, западная и южная.

Разумеется, высокой степенью природного разнообразия Прикарпатского ареала объясняется его притягательность для многих народов с мало сходными способами адаптации к естественной среде. Не случайно вблизи Карпатского хребта обитаемого пространства часто не хватало. По этой причине край многократно становился ареной кровопролитных столкновений. Впрочем, победителям никогда не удавалось освоить завоеванные земли целиком. В социальном отношении Прикарпатье оставалось столь же многоликим, как и его природа.

Если говорить о «государственной грани» регионального взаимодействия, нельзя пройти мимо вклада Руси, Византии, Болгарии, Венгрии, Польши, Золотой Орды, Литвы, Молдавии... Значительна роль в местной истории славян, волохов, венгров, поляков, литовцев, тюрок, чехов, армян, немцев, евреев и др. Велика религиозная пестрота людей, стремившихся обосноваться в этих землях. Помимо христиан нескольких конфессий, источники называют среди обитателей края мусульман, иудаистов, язычников.

Современные исследователи подтверждают мысль о том, что Прикарпатье является древнейшей областью этногенеза славянских народов. В частности, это хорошо показано на примере хорватов, пле-

менное образование которых формировалось в регионе уже с конца IV в. Со временем Великая Хорватия значительно расширила свои владения на севере и северо-западе. До 80-х гг. IX в. «**страну русов**» восточные авторы размещали на севере Восточной Европы, а земли Среднего Поднепровья и Прикарпатья именовали «**страной славян**». Здесь находились два главных славянских города. Один из них сопоставляется с Киевом, а другой – с центром хорват, в котором пребывал их «царь» (Новосельцев 1965: 372-408; подробнее см. Майоров 2006).

Затем понятие «**Русская земля**» стало соотноситься со сравнительно небольшой территорией между Киевом, Черниговом и Переяславом, превратившейся в вотчину киевских князей (Толочко 1975: 5), а весь оставшийся восточнославянский ареал находился за ее пределами. Это было известно Константину Багрянородному (944-959), писавшему о том, что в ежегодных походах руссов на Константинополь участвовали союзники руссов – «**их пактиоты, ...и прочие Славинии**» (Константин Багрянородный 1991: 45). Менее чем через три десятилетия после того как «Повесть временных лет» отметила появление страны, которая «**начала прозываться Русская земля**», в 885 г. князь Олег воевал с племенами уличей и тиверцев, которые жили в Поднестровье, доходя до Черного моря и Дуная, а в верховьях Прута и Днестра их земли смыкались с владениями хорватов. В 907 г. тиверцы и хорваты принимали участие в походе киевского князя на Константинополь, в котором «**много ... зла сделали русские грекам**» (ПВЛ 1950: 14-16; ПСРЛ 1962: стб. 10, 12, 16, 17, 21). К концу правления Игоря (912-945) и тиверцы, и уличи подчинились власти Киева и вошли в состав населения Древнерусского государства (РС 2002: 58 и др.). Однако периферийное положение западных и юго-западных русских владений в какой-то мере обусловило невозможность достижения их полной покорности.

После падения под ударами венгров Великой Моравии (906 г.) западная часть Хорватии вошла в Чешское государство, а затем ее захватил занимавший недолго, в 1003-1004 гг., пражский трон польский князь Болеслав Храбрый (992-1025). Восточную часть края у Верхнего Днестра завоевал Владимир Святославич, а южнокарпатские земли хорватов подчинил Стефан I Святой (997-1038). В 1001-1003 гг. первый венгерский король присоединил Потисскую низменность, где был создан пограничный округ – **Русская Марка**, которой управлял наследник трона. Принц Имре погиб в 1031 г., но Марка, возможно, существовала и позднее. При этом в Закарпатье пограничье Киевской Руси, Польши и Венгрии составляла лесистая горная область, которая вплоть до XIII в. именовалась «**ничейной землей**» (Поп 2006: 34; ср. Грушевський 1992: 488).

Обстоятельства той эпохи и описывает сочинение арабского географа ал-Идриси (1154 г.). Он сообщает, что «**Страна ар-Русийа**» на западе граничит с Польшей, а на юге – с Дунайской Болгарией («**земля бурджан**»), Черным морем и Куманией, т.е. половецкими владениями. Согласно описанию, «**это большая страна, но города [ее] невелики, а возделанные земли чередуются с необработанными. Расстояния между городами большие, а области изолированы [одна от другой]. Там [ведутся] постоянные войны и усобицы**». Одна из известных автору областей – «**Галицкая земля**». Он называет города этой «наиболее отдаленной Руси», которые отождествляются с Червеном, Перемышлем, Звенигородом и Галичем. Два наименования – «**Саклахи**» и «**Бармуни**», помещенные между Карпатами и Днестром, с разной степенью вероятности связываются с предшественниками городов средневековой Молдавии – Сучавы и Пятра-Нямц (Коновалова 1999: 124, 133-143; Коновалова, Перхавко 2000: 163-170).

До середины XII в. киевских правителей знали на Западе как «**королей**». Однако в одной из германских хроник под 1165 г. впервые встречается сообщение о русских «**корольках**». Как допускают некоторые исследователи, речь идет о князьях из западнорусских земель (Шушарин 1965: 424-430).

Обособление Галицкой земли связывается с князьями-изгоями братьями Рюриком, Володарем и Василько Ростиславичами, которые появились в Прикарпатье в 1084 г. После смерти Рюрика (1094 г.) владения были разделены – Володарю достались Перемышль и Звенигород, а Василько – Теребовль и Галич. В противостояние у западных пределов Руси втягивались и чужеземцы – поляки, венгры, половцы. Первое нападение венгерский король Ласло I (1077-1095) совершил уже в 1092 г. В 1099 г. Ростиславичи с помощью половцев разбили приведенное их противником Ярославом войско короля Коломана (1095-1116). Чтобы заручиться поддержкой Византии, в 1104 г. Володарь отдал дочь замуж за императора Алексея Комнина (1081-1118), также враждовавшего с Венгрией (ПСРЛ 1962: стб. 230-231, 245-248, 256; ИВ 1971: 142; Крип'якевич 1984: 68-70). Владимирко Володаревич (1124-1152) сделал в 1141 г. Галич столицей. Он быстро обзавелся широкими международными связями благодаря вывозу соли. Известный факт: когда в 1096 г. купцы не имели возможности доставить в Киев соль из Прикарпатя, ее острый недостаток испытала вся Русь (Исаевич 1973: 94).

Тогда же в отношении Галиции обнаружились завоевательные намерения Венгрии. Вторжения венгров отмечены в 1139, 1144, 1148, по два раза в 1150 и 1151, 1152 гг. Только Бела III (1172-1196) посылал

войско на Русь четырежды: в 1188, 1189, 1190, 1202 гг. (Крип'якевич 1984: 72-76; ИВ 1971: 142). В 1188 г. он явился в Галич якобы для помощи беспутному, мало походившему на отца Владимиру Ярославичу и **«не посади в нем Володимера, но даде весь наряд галичанам и посади в нем сына своего Андрея»** (ПСРЛ 1962: стб. 661), а себя удостоил титулом **«король Галича»** (ИВ 1971: 143). В сложнейшей обстановке покорял обширное княжество Роман Мстиславич, завоевавший галицкие владения только в конце жизни – 1199-1205 гг. (Крип'якевич 1984: 83-87). После гибели Романа жестокая борьба за галицкое наследство продолжалась еще треть столетия. На троне сменилось 11 князей. Практически не прекращались вмешательства извне. Русские князья многократно сами приводили сюда половцев – в 1202, 1208, 1213, 1217, 1219, 1226, 1228, 1235 гг. Захватнические вторжения из Венгрии в галицкие земли имели место в 1205, 1206, 1208, 1211, 1212, 1213, 1214, 1216, 1220 гг. Не оставалась в стороне и Польша. В 1214 г. венгерские и польские правящие круги заключили соглашение о разделе страны. В 1215 г. часть местного боярства даже признала венгерского принца Кальмана **«королем Галича»**. В постоянно менявшейся тяжелой обстановке законному наследнику Даниле Романовичу (1202-1264) с раннего детства и до зрелого возраста несколько раз довелось занимать престол – в 1205-1206, 1211-1212, 1230-1232, 1233-1234 гг. Окончательно он смог утвердиться в Галиции накануне нашествия монголов, только с 1238 г. (ИВ 1971: 143; Плетнева 1975: 296-297. Рис. 7; Войтович 1996: 61).

Тесные личные отношения верхушки общества за границей, так или иначе строившиеся посредством браков, – еще одна отличительная черта галицко-волинской истории. Местным княжичам и боярским сыновьям гораздо чаще, чем в других частях Руси, подыскивали жен из цивилизационно чуждых пределов. Генеалогия Романа Мстиславича (1152-2005) и его потомков пестрит именами представительниц правящих семейств Чехии, Польши, Венгрии, Австрии, Византии, Литвы, Половецкого поля. В свою очередь княжны этого рода нередко становились супругами правителей тех же стран (см. Войтович 1996: табл. 17). Такие прочные и долгие семейные контакты, обнаруживающие явный крен в сторону Запада, привели к появлению на Руси сначала королевского титула, а затем правителя-католика. И если венгерскому принцу закрепиться в Галиче не удалось, то это в 1324 г. смог легко сделать польский ставленник Болеслав-Юрий, впоследствии оказавшийся твердым сторонником православия (Крип'якевич 1984: 111-113).

Показательно наполненное терминами родства и подробностями кровопролитной борьбы описание Великопольской хроникой одной политической карьеры Романа Мстиславича, который **«в детстве вос-**

питывался» у своего деда Казимира, а правителем Галиции стал благодаря помощи двоюродного брата. Согласно источнику, он умолял Лешка, **«чтобы тот привязал его к себе вечной службой и назначил [пусть] не князем галицким, но своим прокуратором»**. Однако, получив власть, Роман провел жестокие репрессии **«знатнейших галицких сановников»**. Описав в самых черных красках деяния «тирана», автор сделал категорическое заключение, что князь являлся **«для своих граждан более чудовищным врагом, чем для неприятелей»** (Великая хроника 1987: <http://www.newchron.narod.ru/texts/p1.html>). Византийский историк Никита Хониат подтверждает, что для наведения порядка князю пришлось «обагрить меч в крови своих соплеменников» (ГИБИ 1983: 65-66).

Конечно, смазывание этнической и религиозной идентичности, проявившееся в XII-XIV вв. как у отпрысков волынской ветви Рюриковичей, так и у местной знати вообще – процесс постепенный и противоречивый. В острых ситуациях двойственность самосознания неизбежно ставила конкретных людей перед необходимостью выбора, нередко дезориентировавшего целые слои населения. Не покидавшие Галицкую Русь и окрестные районы неурядицы наиболее пагубно сказывались на сельских жителях. Спасение от бед могли дать только лес и горы, куда и уходили люди. Вне освоенных государствами территорий, которые, похоже, совпадали с пределами зон кровопролитных столкновений, жизнь была безопаснее. Это обособляло и консервировало социальные устои целых массивов населения, выходившего из-под власти административно-политических центров.

Одна такая общность известна под именем **«выгонцев галицких»**, о которых написано много, но достаточной ясности до сих пор нет (ср. Пашуто 1950: 144; РС 2002: 203-209). В отличие от других отрядов **«выгонцы»** прибыли в распоряжение русско-половецкого войска накануне битвы на Калке весной 1223 г. на тысяче ладей, чем смутили многих князей, включая Данилу Романовича. О странном войске сказывали, что его составляют **«простые люди, пуше половцев»**. Поскольку необычная днестровская флотилия названа **«олядии русских»**, на них, по всей видимости, находились русскоязычные команды. Любопытно, что представители Руси, в том числе галичане и волынцы, прибыли **«киждо со своими князьми»**, а находившиеся при **«выгонцах»** Юргий Домамерич и Держикрай Володиславич таковыми не являлись (ПСРЛ 1962: стб. 742). Вышедшая из района галицких владений, но явно не подвластная их князю ватага в массе русских воинов выглядела экзотически.

Возможно, что в **«выгонцах галицких»** следует видеть группу населения Прикарпатья, развившуюся на основе славяно-романского синтеза. Занятие по преимуществу отгонным овцеводством (см. По-

левой 1980: 44-62), нарек на которое как будто бы содержится в самом наименовании **«выгонцы»**, выделяло их из массы жителей Карпатского региона. Считается, что заселение коренных земель будущей Молдавии происходило именно в результате продвижения волохов и русинов главным образом из-за гор и в меньшей мере из Галицких земель (Полевой 1979: 32, 109-112; 1985: 16-17, 64, 86 и др.). Как полагают, именно волохи выступили **«конкурентами русинов»** и во многих местах их поглотили (см. Грушевський 1994: 226). Однако этот процесс был постепенным, прямо связанным с возможностями расширения жизненного пространства и изменения типа хозяйства. В Молдавии такие условия были, поэтому здесь практически неизвестны случаи столкновения волохов и русинов (Суляк 2004: 72-74). По сообщению молдавской летописи, при встрече в районе будущей Сучавы пасечник-русин Ецко говорит Драгошу и его спутникам из Марамуреша, что к востоку от Карпат **«местность пустынная ... простирается вниз, до Дуная, а вверх до Днестра, где граничит с Землей Ляшской»** (Григоре Уреке 1971: 65). Неожитые обширные и благоприятные для обитания территории стали важной предпосылкой мирного сосуществования волохских и русинских общин, долгое взаимодействие которых при участии ряда других этносов в итоге сформировало молдаван.

Очевидно, дело не только в том, что на протяжении веков в Прикарпатье сосуществовали многие народы, пересекались потоки миграций и сталкивались интересы враждебных политических сил. Более важной представляется способность края синтезировать из местной этнокультурной мозаики новые социальные феномены. В частности, родом отсюда оригинальные группы населения, которые складывались из двух и более компонентов, но в соответствии с велением времени демонстрировали тот из них, который более других обеспечивал им жизнестойкость. Таковыми были тиверцы, уличи, берладники, бродники, галицкие выгонцы, у которых славянство являлось лишь одним из обликов этнической сущности.

Уже цитированный польский хронист XIII в. уверяет, что славянские народы, жившие вблизи Карпат, **«понимают друг друга»**, а венгры **«и сами являются славянами»** (Великая хроника 1987: <http://www.newchron.narod.ru/texts/p1.html>). Это возможно представить, только если иметь в виду, что на стадии **«обретения родины»** венграми двуязычие стало для части местных славян – **«паннонцев»** – способом постепенного вживания в новую социальную реальность.

Действительно, по данным **«Повести временных лет»**, в 898 г., придя из-за Карпат в Паннонию, венгры **«наследиша землю ту, и седоша с словены, покоривше я под ся»**. Тем самым возник и **«сла-**

вянский мостик» на восток, объясняющий и венгерские претензии на господство в Галицкой земле. Добавим к этому, что за пять столетий от Альма до Федора Кориатовича насчитывают четыре значительные волны русинского расселения, прибывшие во владения Венгрии с востока. Отражением этого своеобразного диалога явились новые наименования Карпат. Русские стали употреблять понятие **«Угорские горы»**, у венгров появилось словосочетание **«Рутенские горы»** (ПВЛ 1950: 21; Грушевский 1994: 221-224; Шушарин 1965: 433).

Пограничье неизбежно порождало людей особого склада. Типичным представителем свободного населения юго-западной окраины Древней Руси может считаться **«вольный добрый молодец»** Дунай Иванович, местом **«выезда»** которого называют Воынь (Пропп, Путилов 1958: LVI). В отличие от «былинной троицы» – Алеши Поповича, Добрыни Никитича, Ильи Муромца, эту *«яркую и трудную для понимания фигуру русского эпоса»* (Мачинский 1981: 149) народная память никак не связывает с верной службой киевскому князю. Сам о себе богатырь говорит:

**«Я ходил-гулял да из орды в орду,
Из орды в орду да из земли в землю,
Я пришел, Дунай, к королю в Литву».**

За годы чужеземной службы он не сделал блестящей карьеры, не разбогател, но сумел тайно сойтись с королевской дочерью. Во время одного из пиров при дворе, куда возлюбленная просила Дунаюшку не ходить, захмелевший герой опрометчиво похвастал правителю: **«Сплю со душенькой с Настасьюшкой с королевичной»**. От верной гибели его буйну голову спасла Настасья, также дорого поплатившаяся за свой поступок:

**«Отпустила Дуная на свою волю,
Сама уехала да во чисто поле»** (Былины-1 1958: 286-288).

По другой эпической песне Дунай, находившийся в киевской темнице Владимира, взялся добыть **«в хороброй Литве»** невесту для князя. Ею стала Опракса-королевична – младшая сестра его несчастной возлюбленной Настасьи. Выполнив задание, на обратном пути Дунай лично убедился, что его потерявшаяся зазноба **«все полякует»**. Герой победил **«в чистом поле»** оставшуюся до последнего момента неузнанной богатыршу-Настасью. Их свадьба в Киеве обернулась смертью беременной молодой и самого Дуная (Былины-1 1958: 283-284, 298-304).

Представляется, что с Дунаем и Настасьей следует связывать особый образ жизни, обеспечивавший независимость богатырей. Каждый из них живет в шатре среди чистого поля и **«полякует»** – сражается с разными противниками (ср. с более поздним понятием **«казаковать»**). Так люди, ушедшие из-под чуждой им власти, ставили себя

как бы вне закона и поэтому рисковали многим, будучи по существу изгоями (Колесов 1986: 62-63, 117, 174). Разумеется, их положению оппозиции «свой – чужой» также была свойственна двойственность. Не случайно в былинном Дунае видели русского, не исключая выходца из «бродников» или болгарского богатыря с дунайских берегов (Рыбаков 1963: С. 62-68).

С Галицко-Волынской Русью связывается происхождение и некоторых других былин, записанных далеко от мест эпических событий, например, на русском Севере, а также шедевр древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» (Исаевич 1973: 99, 101). С другой стороны, в XIX в. на Галичине записаны народные песни, в которых прославляются воины, отправляющиеся на челнах **«на тихий Дунай»**. Прослышав о живущем где-то в направлении к Царь-городу **«добром пане»**, они нанимаются на **«службу молодецкую»** за щедрую плату – по 100 червонных, коню, сабельке, кафтану, шапке и **«красной девице»** в год (Соловьев 1988: 257-258, 322-323). Здесь вспоминается и летописное сообщение о том, что на том же направлении Василько **«хотел переять болгары дунайския и посадити я в себе»** (ПСРЛ 1962: стб. 240). Эти намерения князя фиксируют обычные идеи и практику средневековых правителей. С одной стороны, ненаселенные территории Прикарпатья не интересовали землевладельцев, а острая нужда в зависимом сельском людe на рубеже XI-XII вв. существовала. Однако у не желавших расставаться с древними свободами общинников в условиях нестабильности существования оставалась возможность уйти в труднодоступные горные места либо даже за пределы региона.

Предполагается, что живучесть образа Дуная в мифологии и обрядах языческого происхождения является коллективной реакцией русского народа на христианизацию (Мачинский 1981: 170-171). После крещения Владимира старые герои и боги отступили на «украины», где их еще долго продолжали почитать. В этом плане не является исключением юго-запад Руси, где на горе Богит у реки Збруч огромное общеплеменное святилище со знаменитым идолом продолжало действовать до XI в. (Рыбаков 1988: 236-251; 755). Современные исследования археологов подтверждают религиозный синкретизм населения Восточного Прикарпатья, не одно столетие после принятия христианства сохранявшего элементы язычества в различных сферах своей жизни. Если языческие храмы и святилища функционировали у славян Буковины, по крайней мере, еще в XI-XIII вв., то немало дохристианских обрядов дожило до нового времени (Пивоваров 2006: 215-242; Возний 2009-2: 379-404).

Именно в Галицко-Волынской земле документально зафиксированы сознательные случаи пренебрежительного отношения к христиан-

ству со стороны высшей знати. Так, в конце 1152 г. князь Владимирко не только нарушил крестную присягу, но и совершил богохульство, насмехаясь над важнейшим символом христиан. Во многом языческие нравы самого Галича вскрывает и история с незаконной супругой его сына, по всей вероятности, происходившей из половецкого рода. Ярослав Владимирович (1153-1187) открыто жил с ней, а сына от нее хотел сделать своим наследником. Галичане пресекли это преступление: родственников **«Настаськи»** перебили, **«накладъше огонь сожгоша ю»**, сына отправили в заточение, **«а князя водившее ко кресту, яко ему имети княгиню въ правду»**. Так был преодолен внутривосточный кризис, в ходе которого местное общество раскололось, скорее всего, по религиозному признаку. Летопись отмечает, что **«изъ Галича въ Ляхи»** бежала законная жена князя Ольга со своим сыном **«и мнози бояре с нею быша тамо»** (ПСРЛ 1962: стб. 461-463, 564; ср. Грушевский 1992: 432, 442-447; Крип'якевич 1984: 76-79; Яковенко 2006: 99). На фоне усиливавшегося католического наступления (Свідерський 1983) и возврата язычества **«в княжеско-боярских кругах»** представляется ясным, почему несвободное от дохристианских реминисценций **«Слово о полку Игореве»** (Рыбаков 1988: 774-775) славословит **«галицкого Осмомысла Ярослава»** в четко выраженном стиле эпохи идейного господства Перуна (см. Слово 1985: 30). Наличие в общественном сознании множества духовных ориентиров являлось одной из причин отсутствия у населения Юго-Западной Руси «твердой» веры.

Об особенностях такого рода религиозности уже в литовско-польский период сохранилось свидетельство 1573 г.: **«С 980 года все русские приняли христианство, хотя и по греческому обряду, которое большинство из них исповедывают и поныне, как ни стараются они скрывать это. Однако же они были обращены в католическую веру еще со времени Казимира Великого, который первый учредил епископскую кафедру во Львове в 1361 году»**. Кроме того, **«жители Руси во все времена были сильно преданы магии, колдовству и другим ужасным чародействам»**, – добавляет автор. Он рассказывает как в 1431 г. русские, осажденные Владиславом Ягайло в Луцке, принесли в жертву молодого поляка. При этом **«все главные вожди пили по глотку горячей крови»** несчастного пленного. Затем они продолжили обряд – окуривали крепость, положив **«внутренности и сердце»** жертвы **«в большую жаровню, наполненную горящими угольями»**. По словам составителя записок, русские **«были убеждены, что при помощи этих волшебств освободятся от осады»** (Блез де Виженер 1890: 65-66).

Пограничное положение региона предлагало населению целый спектр религиозных доктрин, а в ряде случаев делало ту или иную форму при-

общения к ним условием существования. Этому способствовало соседство с католиками и язычниками – половцами, литовцами, монголами. Знакомый с юных лет с католическим вероучением Данила Галицкий не только смиренно принял корону от посланника папы, но и ранее вынужден был испытать **«честь татарскую»** и участвовать в чуждой ему религиозной церемонии в ставке монгольского хана (Крип'якевич 1984: 97-104 и др.). Его правнук-католик Болеслав, чтобы занять галицкий трон, перешел в православие под именем Юрия, а женат он был на язычнице Офке, ставшей после крещения Евфимией (Войтович 1996: табл. 17). Массовая полонизация Галичины и Подолья, набравшая темпы уже в XV в., охватила землевладельцев и горожан, в гораздо меньшей степени коснувшись простолюдинов (Греков 1946: 258, 387; Яковенко 2006: 115). Православие с изрядной примесью языческих верований сохранялось, прежде всего, в селах Прикарпатья.

Впрочем, не все русские люди могли обитать в родных местах из поколения в поколение. По сообщению Яна Длугоша, изгнанные поляками жители Галицкой Руси и Подолья, **«угнетенные нищетой и убожеством, движимые отчаянием, убегали к татарам»** (Греков 1946: 257; Полевой 1979: 38). В неосвоенной в государственном отношении лесостепи в равном положении оказывались выброшенные невзгодами русины и ордынцы. Их довольно длительное взаимодействие в обстановке выживания привело к сложению у границ степи казачества. На еще одной **«ничейной земле»** между Литвой и Ордой – южнее Черкасс и Канева – казаки несколько раз упоминаются уже в последней трети XV в. Обращают на себя внимание казаки-христиане – так называемые **«кияне и черкасцы»**. Общая направленность истории Восточной Европы того времени обусловила славянство и православие этого населения в будущем. Постепенно казаки-татары слились с массой казаков-русинов. Это видно, например, по казачьим именам и прозвищам тюркского происхождения (см. Яковенко 2006: 178-179).

Тем не менее, ордынская составляющая казачества бросалась в глаза даже людям Запада. Так, англичанин Джилс Флетчер еще в конце XVI в. относил **«черкесов»**, живших у юго-западных границ России **«со стороны Литвы»**, к числу татар. При этом он подчеркивал, что они **«гораздо образованнее прочих татар, собой весьма красивы и благородны в обращении, следуя в этом обычаям польским. Некоторые из них подчинились королям польским и исповедуют христианскую веру»** (Флетчер 1991: 97).

Одну из причин сравнительно безболезненной ассимиляции ордынцев, кажется, вскрыли исследования огромного могильника Мамай-

Сурка, раскопанного на левом берегу Каховского водохранилища (Запорожская область Украины). Вещи из совершенных не ранее последней трети XIV в. погребений, особенно украшения, типичны для материальной культуры Золотой Орды. В то же время сотни людей захоронены как христиане – в вытянутом положении головой на запад. Этот признак погребального обряда сочетается с находками в могилах нательных крестиков и обломков глиняной посуды с процарапанными на них крестами. Краниологический анализ показал неоднородность населения при его близости к восточным славянам и алано-болгарам. Эти люди, обладавшие совсем незначительными монголоидными чертами, сопоставляются с летописными **«бродниками»** (см. Ельников 2001; 2006), как известно, имевшими давние связи с прикарпатскими землями. Если данные определения верны, то тесные контакты **«бывших татар»** (выражение из итальянского источника конца XIV в.) с русинами заранее программировали этнический и религиозный облик их общих потомков – казаков.

Однако движение населения связывало Прикарпатье не только со степью. На юго-западе и северо-востоке русских земель известен феномен городов-тезок: Владимир, Звенигород, Галич, Ярославль, Переяславль, Перемышль и др. Они появлялись в процессе распада Киевской Руси и, очевидно, находились в генетических связях друг с другом. Правда, характер этих отношений точно не установлен. Поразительно сходство памятников деревянной и каменной архитектуры двух регионов – некоторые образцы галицкого происхождения копировались во Владимиро-Суздальской Руси в деталях. Показательно, что культурные влияния с юго-запада имели место не только в домонгольскую эпоху, но и позднее, уже в XIV в. (см. Исаевич 1973: 102-105; Суляк 2004: 50-51). Надо помнить, что после нашествия войск хана Бату численность населения Галицкой земли не уменьшилась, а заметно увеличилась за счет беженцев из разоренных монголами русских княжеств. Это подтвердили и археологические исследования на территории Буковины (Греков 1946: 255; Полевой 1979: 28-29). Затем бывшие переселенцы или, пожалуй, их потомки, смешавшись с местными жителями, вновь веерообразно расходились по Руси и другим славянским землям.

Рассматриваемая тема пересекается с вызывающей до сих пор острые дискуссии проблемой наследия Киевской Руси. В исторической науке сложились две точки зрения, которые условно можно считать «русской» и «украинской». Согласно первой, возникшей еще во второй половине XV – начале XVI в., киевская государственность совершенно естественным образом *«перетекла»* во Владимир-на-Клязьме, а оттуда в Москву. Украинское понимание вопроса, оформившееся

окончательно только в первой половине XX в., предложило другую линию наследования киевских традиций – сначала их преемником выступила Галицко-Волинская земля, а затем через Литву они вновь возвратились в Киев (Яковенко 2006: 109-110). Впрочем, идея о законном переходе роли «второго Киева» к Галичу и Холму вполне сознательно проводилась в жизнь уже идеологами Данилы Романовича (Исаевич 1973: 99-100).

Но на самом деле даже беглый обзор источников показывает, что роль Прикарпатья в истории славян (и не только восточных) была гораздо более значительной. Для меня очевидно: Галичина как наиболее яркое и полное олицетворение совокупных особенностей региона играла самостоятельную роль в судьбе многократно большей исторической области, простирающейся в Восточную, а также Юго-Восточную и Центральную Европу.

Карпатский край совершенно логично наделять такими трудно совместимыми чертами, как обособленность и проходимость, подверженность влияниям при сопротивлении и врожденном консерватизме (см. Пронин 2005: 56). Образно говоря, «общеславянское гнездо» оставалось живым на протяжении многих столетий только потому, что отсюда с завидной регулярностью вылетали ставшие на крыло птенцы и сюда могли возвращаться птицы из уже забытых выводов. Динамическая способность населения края сохранять и терять, принимать и отдавать, обновлять и обновляться, на мой взгляд, породила феномен русинства. Думается, его существование отрицать бессмысленно; его надо изучать и, конечно же, беречь.

ЛИТЕРАТУРА

- Блез де Виженер* 1890. – Извлечения из записок Блеза де Виженер (1573) // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. I (XVI ст.). Киев. С. 59-88.
- Былины 1958. – Былины в двух томах. Т. 1. М.
- Великая хроника 1987. – Великая хроника о Польше, Руси и их соседях XI-XIII вв. М. (<http://www.newchron.narod.ru/texts/p1.html>).
- Возний І.П.* 2009. Історико-культурний розвиток населення межиріччя Верхнього Сірета та Середнього Дністра в X-XIV ст. Ч. 1-2. Київ; Чернівці.
- Войтович Л.* 1996. Удільні князівства Рюриковичів і Гедиміновичів у XII-XVI ст. Львів.
- ГИБИ 1983. – Гръцки извори за българската история. Т. XI. София.
- Греков Б.Д.* 1946. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.; Л.
- Григоре Уреке* 1971. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу.
- Грушевський М.* 1992. Історія України-Руси. Т. II: XI-XIII вік. Київ.

- Грушевський М.* 1994. Історія України-Руси. Т. І: До початку ХІ віка. Київ.
- Ельников М.В.* 2001. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989-1992 гг.). Т. І. Запорожье.
- Ельников М.В.* 2006. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1993-1994 гг.). Т. ІІ. Запорожье.
- ІВ 1971. – Історія Венгрії. Т. І. М.
- Исаевич Я.Д.* 1973. Культура Галицко-Волынской Руси // Вопросы истории. № 1. С. 92-107.
- Колесов В.В.* 1986. Мир человека в слове Древней Руси. Л.
- Коновалова И.Г.* 1999. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М.
- Коновалова И.Г., Перхавко В.Б.* 2000. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М.
- Константин Багрянородный.* 1991. Об управлении империей. М.
- Ключевский В.О.* 1987. Сочинения. В 9-ти т. Т. І. Курс русской истории. Часть І. М.
- Крип'якевич І.П.* 1984. Галицько-Волинське князівство. Київ.
- Майоров А.В.* 2006. Великая Хорватия: этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб.
- Мачинский Д.А.* 1981. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л.
- Новосельцев А.П.* 1965. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М. С. 355-419.
- Пацуто В.Т.* 1950. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.
- ПВЛ 1950. – Повесть временных лет. Часть І. М.; Л.
- Пивоваров С.В.* 2006. Середньовічне населення межиріччя Верхнього Пруту та Середнього Дністра (ХІ – перша половина ХІІІ ст.). Чернівці.
- Плетнева С.А.* 1975. Половецкая земля // Древнерусские княжества X-XIII вв. М. С. 260-300.
- Полевой Л.Л.* 1979. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев.
- Полевой Л.Л.* 1980. О хозяйственно-культурном типе волохов // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.). Кишинев. С. 44-62.
- Полевой Л.Л.* 1985. Раннефеодальная Молдавия. Кишинев.
- Поп И.* 2006. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород.
- Пронин В.* 2005. История православной церкви на Закарпатье. Мукачево.
- Пропп В.Я., Путилов Б.Н.* 1958. Эпическая поэзия русского народа // Былины в двух томах. Т. 1. М.
- ПСРЛ 1962. – Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.
- Рафалович И.А.* 1972. Славяне VI-IX веков в Молдавии. Кишинев.
- РС 2002. – Тельнов Н.П., Степанов В.П., Руссев Н.П., Рабинович Р.А. «И... разошлись славяне по земле». Из истории Карпато-Днестровских земель VI-XIII вв. Кишинев.
- Рыбаков Б.А.* 1963. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.

- Рыбаков Б.А.* 1988. Язычество Древней Руси. М.
- Свідерський Ю.Ю.* 1983. Боротьба Південно-Західної Русі проти католіцької експансії в XIII-XIV ст. Київ.
- Седов В.В.* 1995. Славяне в раннем средневековье. М.
- Слово 1985. Слово о полку Игореве. Л.
- Соловьев С.М.* 1988. Сочинения. Кн. II. М.
- Суляк С.Г.* 2004. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев.
- Толочко П.П.* 1975. Киевская земля // Древнерусские княжества. М. С. 5-56.
- Тыпкова-Заимова В.* 1991. Южные славяне, протоболгары и Византия. Проблемы государственного и этнического развития Болгарии в VII-IX вв. // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI-XV вв.). М.
- Федоров Г.Б.* 1960. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 89. М.; Л.
- Флетчер Дж.* 1991. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов). М. С. 25-138.
- Шушарин В.П.* 1965. Древнерусское государство в западно- и восточноевропейских средневековых памятниках // Древнерусское государство и его международное значение. М. С. 420-452.
- Яковенко Н.* 2006. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. Київ.
- Gukin V., Manzura I., Rabinovich R., Tkaciuk M.* 1995. Nonarchaeological theory and problem of cultural Heritage // World Archeological Bulletin. № 8. P. 9-18.

Журнал консервативной мысли

"Золотой Лев":

www.zlev.ru